

**ФЕНОМЕН ПРЕКРАСНОГО В ЭПОХУ «СТАРОГО» И «НОВОГО»
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

Нарушевич Кристина Олеговна

студентка специальности «философия» факультета философии и социальных наук
Белорусского государственного университета

***Аннотация.** В докладе отображается природа категории прекрасного в Средневековье, ее эволюция, приводится сравнительный анализ сложившейся традиции понимания прекрасного в классической эпохе средних веков и «новом» Средневековье. Показано, как средневековая эстетика в процессе своего развития стремилась обозначить точными понятиями сущность вещей, в частности, феномена прекрасного; как на смену сложившегося понимания данного феномена в «старом» Средневековье пришло понимание «нового» Средневековья касательно категории прекрасного и эстетики в целом, где абсолютная индивидуализация вещей вытесняет томистское мировоззрение.*

***Ключевые слова:** красота, прекрасное, материя, форма, символизм сущность вещей, целостность, пропорциональность, ясность, индивидуализация.*

THE PHENOMENON OF A BEAUTIFUL IN THE EPOCH OF THE “OLD” AND “NEW”
MIDDLE AGES

Narushevich Kristina Olegovna

Student, Department of Philosophy, Faculty of Philosophy and Social Sciences Belarusian
State University

***Abstract.** The report reflects the nature of the category of beauty in the Middle Ages, its evolution, provides a comparative analysis of the established tradition of understanding the beautiful in the classical era of the Middle Ages and the “new” Middle Ages. It is shown how medieval aesthetics, in the process of its development, sought to denote with precise concepts the essence of things, in particular, the phenomenon of beauty; as the current understanding of this phenomenon in the “old” Middle Ages replaced the understanding of the “new” Middle Ages regarding the category of beauty and aesthetics in general, where the absolute individualization of things crowds out the Thomist worldview.*

***Keywords:** beauty, beautiful, matter, form, symbolism, the essence of things, integrity, proportionality, clarity, individualization.*

Для старой эпохи Средневековья была свойственна тяга к реальному миру. Данную реальность можно было воспринять чувственно совершенно по-разному. Средневековый философ, считает У. Эко, рассуждая о красоте, не просто подразумевает концептуальную реальность в ее чисто абстрактном преломлении – он более или менее открыто обращается к чувствам повседневным, опыту пережитому и накопленному [1].

В Средние века люди все чаще стали задумываться о сущности прекрасного, хотя корни данного феномена исходят еще к античности. Однако понимание прекрасного в Средневековье несет совершенно иной смысл. Этому послужили определенные исторические события. В XIII веке церковь вела жестокую борьбу против катаров и альбигойцев, целью которых стало возрождение манихейского понимания зла как силы творения. Именно это повлекло созданию множества различных трактатов, несущих в себе антитезу силе зла. Цель у таких трактатов была одна – максимально приблизить сущность прекрасного к понятию блага. На данную тему было написано множество трактатов, включая трактат Псевдо-Дионисия Ареопагита «О божественных именах».

О трансцендентности красоты также писал Альберт Великий: «...среди сущего нет ничего такого, что не было бы сопричастно красоте и благу» [цит. по: 2, с. 155]. Он обосновывал эту концепцию с концепцией Аристотеля. «Красота и благо тождественны в субъекте и различаются разумом, благо отделяется от природы красотой устремления», – в это утверждение он дает прекрасному определение, которое и поныне остается известным и единственным в своем роде [цит. по: 2, с. 159]. «Сущность красоты во вселенной состоит в сиянии формы – как в соразмерно соединенных частях материи, так и в разнообразии людей и их действий» [цит. по: 2, с. 159]. Согласно этому тезису, красотой наделены все предметы, и она существует во вселенной метафизически, независимо от лирических восторгов. Во всем сущем красота присутствует как сияние формы, вызвавшей ее к жизни.

Взаимосвязь формы и материи дает новый «толчок» в развитии «старой» средневековой эстетики. Фома Аквинский гораздо глубже раскрыл данную идею, нежели Альберт Великий, который говорил о скрытых возможностях материи. Фома Аквинский отмечал, что «форма – это содержательная сторона вещи» [цит. по: 2, с. 162]. Уже здесь можно увидеть явный переход от сложившегося символического и ценностного мышления в эпоху «старого» Средневековья, где средневековый человек мог заметить в любой вещи определенный знак, оставленный Богом с

определенным смыслом. Фома Аквинский же утверждал, что «Божья воля придает вещи истинный смысл при синтезе материи и формы» [цит. по: 2, с.163]. Отношение формы и материи «старого» Средневековья он поменял на связь сущности и бытия, что становится первым признаком понимания «нового» Средневековья. Данная онтологическая связь понимания вещи открыла новый горизонт: гуманистическую эстетику эпохи Возрождения.

Фома Аквинский, отмечает У. Эко, признавал лишь три категории прекрасного: целостность, пропорциональность, ясность [1]. Только благодаря пропорциональности человек ощущает и осознает красоту. Нарушение границ пропорции выявляет чувство не прекрасного, а безобразного, считал Фома. По его мнению, мир обязан стремиться к красоте, устранять все безобразное для полного осознания истинной красоты. Прекрасное можно познать с помощью совершенного предмета, излучающего внутренний свет. Излучение этого света – ясность, по мнению Фомы Аквинского. Прекрасное можно увидеть благодаря постоянной ясности света.

Средневековое схоластическое понимание прекрасного со временем сменяется на развитие нового понимания прекрасного, которое внесли теологи позднего Средневековья – Дунс Скотт и Уильям Оккам. Дунс Скотт противопоставил индивидуализированную уникальность отдельных вещей и деталей традиционному синтезу материи и формы. Учение теолога было связано с готической архитектурой, где восприимчивость к индивидуальному играет важную роль в средневековой эстетике. «Ранняя готика Шартра и Амьена в величайшей степени соответствовала восприятию, настроенному на то, чтобы уловить сияние формы в созерцаемом объекте и сообщить единство множественности. Готическое искусство XIII в. было более озабочено частями, нежели целым» [цит. по: 2, с. 185].

Учение Уильяма Оккама значительно отличалось от индивидуального понимания вещей вышеуказанного теолога. Целостность распадается на множество отдельных частей, где каждая отдельная вещь подвергается совершенной индивидуализации. Могут познаваться отдельные части, их соотношение возможно только благодаря опыту и интуиции. С помощью данного процесса, где, к примеру, художник использует интуицию для создания уникальной вещи из частей, происходит его осознание собственной роли в развитии творчества в эпохе Возрождения.

Таким образом, средневековая эстетика в процессе своего развития стремилась обозначить четкую позицию сущности вещей, в частности, красоты(прекрасного), – в точных понятиях. Было время, когда «старое» Средневековье фиксировало сущность вещей, анализируя связь формы и материи довольно четко, при этом используя понятия блага и соразмерности. Однако, на смену традиционному пониманию сущности вещей, их красоты и отношению к прекрасному, пришло понимание «нового» Средневековья касательно категории прекрасного, сущности вещей и эстетики в целом, где абсолютная индивидуализация вещей и отдельных деталей выступает антиподом томистскому мировоззрению.

Список литературы

1. Эко, У. Искусство и красота в средневековой эстетике / У. Эко. — СПб.: Алетейя, 2003. — 256 с.
2. Эко, У. Эволюция средневековой эстетики / У. Эко. – СПб., 2004. – 288 с.

References

1. Eco, U. [The evolution of medieval aesthetics]/ by U. Eco. - St. Petersburg., 2004. - 288 p. [in Russ.]
2. Eco, U. [Art and beauty in medieval aesthetics]/ by U. Eco. - St. Petersburg: Aletheya, 2003. - 256 p. [in Russ.]